

КЕРРИГАН БЕРН

*Мой
беспощадный лорд*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б51

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Kerrigan Byrne
ALL SCOT AND BOTHERED

Перевод с английского А. Ф. Фроловой

Компьютерный дизайн Э. Э. Кунтыш

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства
St. Martin's Publishing Group
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Берн, Керриган.
Б51 Мой беспощадный лорд : [роман] / Керриган
Берн ; [перевод с английского А. Ф. Фроловой]. —
Москва : Издательство АСТ, 2021. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-134185-5

Можно ли любить мужчину — и одновременно вести с ним хитрую игру?

Можно ли любить женщину — и одновременно пытаться ее уничтожить?

Известный королевский судья Кассиус Джерард Рамзи расследует дела о многочисленных преступлениях и скандалах, связанных с лондонским игорным бизнесом, которым владеет светская дама...

Сесилия Тиг, тайно управляющая этим бизнесом, — одна из самых интригующих и желанных женщин, которых он когда-либо встречал.

Но что же случится, если Кассиус узнает, что красавица, ради которой он готов отдать жизнь, и мошенница, которую он должен разоблачить, — одна и та же женщина?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-134185-5

© Kerrigan Byrne, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Пролог

*Аббатство Дрейтон,
Шропшир, Англия
1876 год*

По расчетам Сесилии Тиг, подходил к концу второй день ее заключения.

Она не могла припомнить, когда отец в последний раз запер ее в «зеленой» комнате подвала так надолго.

Возможно, он все-таки сошел с ума?

Откроет ли он еще когда-нибудь эту дверь?

Забудет ли мир о ее существовании?

Все эти вопросы кружили над ней, как стервятники над свежим трупом.

Сесилия не сделала ничего плохого или греховного. Ничего, что заслуживало бы такого жестокого отношения ее соучеников и благочестивой ярости отца.

Она всего лишь была первой тринадцатилетней девочкой, которая превзошла всех в деревенской школе в математике, даже выпускников. Когда учитель мистер Ролланд обвинил Сесилию в обмане, указав на ее возраст и пол, она напомнила всем, что современный учебник по дифференциальному и интегральному исчислению написала Мария Гаэтана Аньези.

Тогда мистер Ролланд поставил Сесилию в угол, где она стояла, пока не заболели ноги, а лицо стало пунцовым от унижения.

Томас Уингейт, сын мясника, поймал ее во время ленча, прижал к стене, приблизил свою костлявую красную физиономию к ее лицу и обозвал девятью нехорошими словами,

после чего сорвал с нее очки и втоптал их в грязь. Потом он плюнул в нее, толкнул животом на поваленное дерево и продемонстрировал ее панталоны всем мальчишкам из своей свиты. Те долго свистели и улюлюкали.

Сесилия была испугана и унижена, но не пролила ни одной слезинки, и тогда мистер Ролланд заявил, что отправится прямо к ее отцу, викарию Джосае Тигу.

Угроза эта была адресована мальчишкам.

Однако, как и предвидела Сесилия, именно ей пришлось заплатить за их грехи.

Потому что в глазах ее отца грех лежал именно на ней.

Первородный грех.

Она родилась девочкой.

Когда преподобный Тиг вел дочь в «зеленую» комнату, он шипел ей на ухо свой обычный перечень обвинений, не обращая ни малейшего внимания на ее возражения.

— Ты, так же как и твоя распутная мать, позволяешь каждому ничтожеству задирать тебе юбки. Я скорее придушу тебя собственными руками, чем позволю, чтобы ты стала блудницей. — Отец грубо затолкал ее в дверь подвала, и она, не удержавшись на ногах, скатилась по лестнице, тяжело рухнув на грязный пол. Его губы раздвинулись в презрительной улыбке-grimase, обнажившей пожелтевшие зубы. — А я-то считал, что ты слишком жирная, чтобы привлечь похотливые взгляды мужчин.

— Я ничего не сделала! — закричала Сесилия, не обращая внимания на боль в ушибленных коленках. Она встала и сложила перед грудью ладони, словно в молитве. — Пожалуйста, поверь мне! Я бы никогда...

— Ты теперь женщина! — Последнее слово отец выплюнул с видимым отвращением и утер рот тыльной стороной ладони, словно желая стереть его отвратительные следы со своих губ. — Нет такого понятия, как невинная женщина. Ты искушала этих мальчиков, ввела их во грех, и за это должна понести наказание.

На все возражения дочери викарий, как обычно, не обратил внимания и с грохотом захлопнул дверь, оставив ее в полутьме.

Сесилия села на земляной пол в углу. Она уже стала привыкать ко все более частым наказаниям. У нее был при себе учебник, а значит, имелась возможность как-то скоротать время, хотя она почти ничего не видела. Хорошо, что Сесилия успела спрятать его под одеждой до того, как отец вбежал на школьный двор.

Она не чувствовала паники, пока не прошел день, затем — ночь и еще один день. Но потом закончилась вода, и ей стало страшно.

Сначала Сесилия барабанила кулаками в дверь, но добилась лишь того, что заболели руки. Тогда она навалилась на дверь всем своим весом, отнюдь не малым, но тоже ничего из этого не вышло.

Девочка стала кричать в замочную скважину, словно осужденный на казнь в последнюю ночь своей жизни. Сесилия клялась, что будет хорошей, обещала вести себя безупречно. Она была готова на все — только бы смягчить сердце отца... или Бога. Даже призналась в грехах, которых никогда не совершала, надеясь, что мнимая искренность и раскаяние помогут ей обрести свободу.

— Прошу тебя, папа, пожалуйста, выпусти меня, — рыдала Сесилия, вглядываясь в тень его ног, показавшихся в полоске света под дверью. — Молю тебя, не оставляй меня здесь одну, ведь здесь совсем темно...

— Ты была зачата во тьме, дитя, и вернешься в вечную тьму. — Голос отца был громок и суров; казалось, он читал проповедь с кафедры. — Молись и думай об этом.

Тени его ног исчезли, и Сесилия упала на колени, пытаясь ухватить кончиками пальцев последние пятнышки света от фонаря, который отец уносил с собой.

Девочка улеглась у двери, свернувшись в клубок, словно собака, ожидающая возвращения хозяина. Вжалась щекой в грязный пол, вглядываясь в щель под дверью, чтобы сразу увидеть свет, когда он там появится.

«Зачата во тьме»? Что он имел в виду? И в чем ее вина?

Сесилия называла свою тюрьму «зеленой» комнатой, потому что зеленый мох, покрывавший влажные каменные

стены подвала, был единственным цветным куском, который можно было обнаружить в этом помещении их убогого жилища. Кто-то из прошлых викариев, имевший слишком большую для двухкомнатного домика семью, переделал часть подвала в дополнительную спальню, точнее, туда были втиснуты узкая койка и сундук.

Летом Сесилия бы открыла окно, чтобы погреться в проникавших сюда скудных лучах солнца — все-таки какое-то удовольствие. Впрочем, как-то раз перед окном неожиданно возникли ботинки преподобного Тига, которыми он швырнул в подвал комя земли, осыпав ее с головы до ног.

Девочка молила его не закрывать окно снаружи, не лишать ее единственного источника света.

— Я не убегу, — клятвенно обещала Сесилия.

— А я и не боюсь, что ты сбежишь, — злобно усмехнулся преподобный Тиг. — Все равно не пролезешь в такое маленькое окно. Слишком уж ты жирная.

И тогда Сесилия впервые возненавидела свое тело, его размеры и форму. Будь она тоненькая, словно тростинка, ей бы удалось выбраться через маленькое окно и ускользнуть в ночь.

Впрочем, девочка не очень к этому стремилась, так как боялась темноты...

Да и идти ей было некуда.

С годами Сесилия привыкла к «зеленой» комнате. Демоны и чудовища, которых рисовало ей воображение, никогда на нее не нападали. А пауки и другие вполне реальные обитатели темноты только тихо шуршали, не причиняя ей зла.

Писк мышей и прочих грызунов со временем стал звучать для нее сладкой музыкой. Это все же лучше, чем ужасная тишина.

Сесилия не переставала удивляться тому, как легко ей удавалось приспосабливаться к любым лишениям. Она уже почти не замечала голода и жажды, а также неприятного запаха нежилой непроветриваемой комнаты и собственного немывтого тела.

Однажды, когда отца не была дома — он отправился куда-то читать проповедь, — Сесилия принесла в «зеленую»

комнату одеяло и теперь с удовольствием завернулась в него, пытаясь согреться.

Девочка прислонилась к стене, придерживая обеими руками одеяло и представляя, что ее руки, прижатые к груди, это на самом деле руки мужчины, обнимающие так, как никто и никогда не обнимал, а холодные камни — сильная и твердая мужская грудь. Грудь мужчины-защитника, который никогда не бросит ее одну ночью, не заставит в одиночку сражаться с темнотой.

С возрастом детские страхи постепенно исчезали — все, кроме одного.

В абсолютной тьме под землей в «зеленую» комнату вползало что-то более коварное, чем привидение, более безжалостное, чем голод и жажда, более отвратительное, чем любая грязь, более ядовитое, чем самая страшная змея.

То было одиночество.

Сесилия находилась одна в огромном мире, безусловно, правильном, но несовершенном. И то, что начиналось, как скука, в уединении, постепенно стало бездной тишины внутри нее, разверзшейся пропастью пустоты, которую ничто не могло заполнить.

Потому что даже в то время, когда девочка была свободна, «зеленая» комната оставалась поблизости, ожидая ее следующего проступка, какой-нибудь случайной оплошности...

Ожидание — ведь скоро Сесилию в очередной раз низвергнут в ад — казалось ничуть не менее мучительным, чем бесчисленные часы, которые она провела в «зеленой» комнате.

Сесилия постоянно молилась, как и приказывал отец, но даже не вспоминала о тех молитвах, которые преподобный Тиг заставлял ее заучивать.

Каждую ночь девочка опускалась на колени перед холодным осуждающим Богом и с жаром паломника молила только об одном — чтобы кто-нибудь вызволил ее из серовато-зеленого ада, в котором она жила.

На этот раз Сесилия молилась очень долго, пока сухой язык не прилип к такому же пересохшему нёбу. Даже слезы высохли. Живот же был совершенно пустым и только периодически сжимался. Прошло уже два дня, и у бедняжки

не оставалось сил, чтобы сидеть; она лежала, привалившись к стене и плотно завернувшись в одеяло.

«Судя по всему, на этот раз отец не намерен меня выпустить».

Эта мысль раскрыла в ее душе бездну отчаяния. В душе, где было светло и где жил Бог.

Ржавые петли скрипнули, когда открылось окно. И викарый с нехарактерной для него поспешностью опустил на земляной пол ведро с водой. Сесилия с трудом села, опираясь на дрожащие руки.

— Попей и помойся, — рявкнул он. — Но если ты издашь хотя бы один звук, пока они будут здесь, то никогда больше не выйдешь из этого подвала. Ты меня поняла, девчонка?

Отец не стал ждать ее ответа: захлопнул окно и даже не потрудился его запереть.

Несколько мгновений потрясенная Сесилия сидела неподвижно. Потом, встрепенувшись, бросилась к ведру. Не обращая внимания на грязь на руках, девочка погрузила руки в воду и стала с жадностью пить, черпая ее горстями. Не в силах утолить жажду, она поднесла ведро к губам и принялась пить прямо из него.

Наверху слышались шаги. Но то были не тяжелые шаги отца.

Они были наверху. Но кто так сильно встревожил ее отца?

Тихо поставив ведро на пол, Сесилия поднялась по ступенькам и скорчилась у двери, надеясь что-нибудь услышать через щель.

— Где вы ее держите, преподобный? — спросил незнакомый женский голос. Женщина говорила с акцентом, который Сесилия не могла узнать, даже если бы ее разум не был затуманен голодом.

Она прижала ладонь к прохладному дереву двери. Неужели *они* ищут ее? Неужели ее молитвы услышаны?

— Местонахождение моей дочери не касается блудницы.

Подобное определение никак не помогло опознать эту женщину. Для преподобного Тига каждая дочь Евы была тайной проституткой.

— Не блудницы, а деловой женщины. — Даме хватило смелости возражать ее отцу? Сесилия вся обратилась в слух. — Меня предупредили, что вы — лицемерный шарлатан. Вы взираете на нас, женщин, с высоты своего ханжеского величия, вы якобы молитесь и сочувствуете нам. Одновременно вы обвиняете и унижаете нас, не понимая, что все мы только смеемся над жалким, маленьким и совершенно бесполезным отростком, который болтается у вас между ног.

— Как ты смеешь?.. — У викария перехватило дыхание, словно он получил удар в живот.

— О, Гортензия рассказала нам о вашей импотенции, — спокойно продолжила женщина. — Нам отлично известно, что вы не являетесь отцом этого ребенка.

Гортензия... Ее мать...

Услышав это откровение, Сесилия, вероятно, на какое-то время лишилась чувств, потому что внезапно вдруг обнаружила, что ее прижимала к пышной груди совершенно незнакомая женщина.

— Боже правый, детка, — проворковала она. — Сколько этот старый негодяй продержал тебя в подвале?

— Я... — Испуганная и ничего не понимающая, Сесилия подняла глаза и увидела рвавшегося к ней разъяренного отца, которого удерживал мужчина значительно ниже его ростом, но очень широкий, так что его коренастая фигура заполняла весь дверной проем.

Девочка все осознала, когда встретила взгляд отца. Его глаза были черными, такими же, как волосы, как его душа.

Нет... это был не ее отец. Викарий был очень высокий, худой и угловатый, с длинным носом и выдающимся подбородком.

Когда Сесилия рассматривала в зеркале свои мягкие округлые черты, она никогда не находила ни малейшего сходства с отцом. И теперь девочка точно знала, почему.

Она не его дочь.

«Слава богу».

К глазам подступили слезы, и она нерешительно взглянула на свою спасительницу — самую красивую женщину, какую ей только доводилось видеть.

Темно-золотистое платье незнакомки мерцало в тусклом свете. Ее кожа и волосы были неправдоподобно светлыми, глаза — темными, а губы — такого же оттенка, как лилии на школьном дворе. Сущий ангел.

Женщина имела округлые формы, как и у Сесилии, и от нее, казалось, исходило удивительное сияние, словно вся она была наполнена светом.

— Сесилия, дорогая, меня зовут Женевьева Лево. Друзья называют меня Дженни. По-моему, нам ничего не мешает быть друзьями. Ты согласна?

По щеке девочки скатилась слеза. У нее еще никогда не было друзей.

Завороженная, Сесилия подняла руку: она хотела тронуть кончиком пальца щеку женщины, но тотчас же отдернула ее, сообразив, что руки у нее очень грязные. Она не хотела испачкать свою спасительницу — так же, как не позволила бы себе прикоснуться нечистыми пальцами к изображению Моны Лизы.

— Не оставляйте меня здесь. — Слова эти, казалось, резанули по горлу ржавым железом, но смолчать Сесилия не смогла.

— О, милая, ты больше не останешься ни на минуту в этом ужасном доме. Ты сможешь идти?

Сесилия молча кивнула. И тут же, покачнувшись, уткнулась лицом в грудь женщины.

— Пойдем, дорогая. — Женевьева твердой рукой обняла девочку и повела по ступенькам вверх. А молчаливый спутник женщины уверенно оттеснил викария в сторону.

— О боже! — громко воскликнула Женевьева. — Не обижайся, дорогая, но, как говорит моя бабушка в Луизиане, от тебя воняет так, что даже лесной хорек при встрече с тобой обратился бы в бегство.

Чувствуя ужасное головокружение, Сесилия шла рядом с женщиной, вернее, машинально переставляла ноги. Слова же доносились до нее словно издалека. Девочка не мылась почти три дня, и ей было ужасно стыдно.

Чтобы забыть об унижении, Сесилия стала вспоминать жизнь, которую оставляла за спиной. Маленький столик, за

которым они молча ели скудную пищу.. Причем отец упрекал ее за каждый съеденный кусок. Обшарпанная гостиная, всегда пустая, с постоянно холодным очагом, хотя за окном был уже промозглый дождливый октябрь. В доме не было никаких книг, кроме Библии и других канонических текстов, которые она читала при тусклом свете свечи, пока не начинали болеть глаза.

— Мой священный долг — спасти девочку от грехов ее матери! — завизжал преподобный Тиг. Сесилия посмотрела на него, но не смогла различить в полумраке его черты: он стоял в тени, в дальнем углу комнаты. — Немногие мужчины согласились бы растить девчонку, прижитую ее матерью на стороне. Помни об этом, Сесилия, когда у тебя появится искушение совершить распутное и безнравственное деяние, как все эти падшие развратные женщины. Я хотел спасти твою душу. И я все еще могу ее спасти.

— Хватит болтать эту высокопарную чушь! — Дженни поморщилась и на всякий случай подтолкнула Сесилию себе за спину. А ее спутник бесцеремонно усадил викария за стол. — Хочешь верь, хочешь нет, но в моем доме больше и искреннее почитают Господа, чем в твоём. — Дженни повернулась к девочке, наклонилась к ней и подмигнула. — Сейчас ты, конечно, не похожа на фарфоровую куклу, малышка, но я не сомневаюсь, что ты станешь очень хорошенькой.

— Спасибо, мисс Лево. — Сесилия вспыхнула.

— Мисс Лево! Ты слышал, Векслер? — Дженни весело рассмеялась.

Ее спутник, однако же, не смеялся. И по-прежнему молча нависал над преподобным Тигом.

Украдкой смахнув непрошенную слезу, женщина снова наклонилась к Сесилии:

— Ты должна называть меня Дженни, слышишь? Мы же теперь друзья, не так ли?

Сесилия кивнула и покосилась на мужчину, который не был ее отцом. Ей предстояло запомнить его именно таким — размытым пятном красного лица. Увы, ее очки остались втоптаннными в грязь на школьном дворе.

Ну и ладно. Сесилия и так знала, какое выражение на лице преподобного Тига.

— У тебя есть другое платье, девочка? Из этого ты выросла. Выросла... я бы сказала, как минимум год назад.

— Она не должна поддаваться греху тщеславия! — прошипел викарий. Его черты были искажены бессильной яростью и страхом, физиономия же из пунцовой превратилась в лиловую. — Она слабовольная и удивительно прожорливая девица. Вы только посмотрите. Я старался, как мог, но она все равно воровала еду среди ночи, и никакие наказания не могли отучить ее от этой пагубной привычки. И я вовсе не обязан покупать ей новую одежду, если девчонка так быстро вырастает из тщательно подобранных для нее старых платьев.

— Извини, дорогая, я на минуту тебя оставлю. — Дженни стремительно прошагала мимо Векслера и, размахнувшись, ударила Джосайю Тига по перекошенной от злости физиономии. Удар был очень сильным. Преподобный едва не свалился со стула.

Дико вскрикнув, викарий вскочил на ноги, но его тут же водворил обратно Векслер, по-прежнему невозмутимый.

Дженни же накинула на плечи девочки роскошный подбитый мехом плащ и повела к экипажу, стоявшему у входной двери.

Векслер остался в доме, и Сесилия, собравшись с духом, отдернула занавеску экипажа и с тревогой уставилась на дверь.

— Не волнуйся, дорогая. Твоя хорошенькая рыжая головка должна быть занята совсем другими вещами. Викарий просто должен подписать кое-какие бумаги.

Сесилия промолчала, а Дженни, улыбнувшись, сказала:

— Расскажи мне о себе, малышка. Чем ты увлекаешься? Чему тебя научили, кроме молитв, разумеется?

Сесилия достала блокнот, который всегда прятала под платьем, и робко протянула его женщине.

Дженни несколько мгновений молча взидала на блокнот, потом взяла его двумя пальцами и осторожно раскрыла, словно ожидала увидеть там засушенное между страницами чудовище.

Сесилия затаила дыхание. А Дженни перевернула сначала одну страницу, потом другую, затем стала быстро листать их. Закончив, она подняла на девочку сияющие глаза.

— Мне никто не говорил, что ты художница, малышка.

Сесилия наморщила лоб. Никакая она не художница. И не поэтесса. Она всего лишь пыталась занять чем-то время, сидя под замком.

Взяв блокнот, который ей вернула Дженни, девочка тоже раскрыла его. Экспоненты и теоремы... Пределы и производные... Формулы, функции и соответствующие графики...

Подняв глаза, она увидела сияющую улыбку Дженни — та продемонстрировала ослепительно белые зубы.

— Ты, безусловно, возьмешь это с собой туда, куда мы едем, верно?

Сесилия кивнула, боясь задать мучавший ее вопрос. Она плотнее закуталась в плащ, тщетно пытаясь разобраться в буре охвативших ее эмоций. Что она чувствовала? Опасения? Грусть? Радость? Облегчение? Вероятно, всего понемногу. Но главное, она была голодна.

Тут из дома вышел Векслер.

— Лично я умираю от голода, — заявила Дженни — похоже, она умела читать чужие мысли. — Думаю, мы остановимся на ночь на местном постоялом дворе, и ты сможешь поесть и вымыться. Я слышала, там подают чудесные маленькие пирожные с...

— О, мне нельзя есть пирожные, — с грустью сообщила Сесилия. — Потворствовать своим желаниям — большой грех.

Дженни подалась к девочке и крепко сжала ее руки. Глаза же Женевьевы потемнели от злости. Она потрянула головой и, досадливо поморщившись, заявила:

— Послушай меня, дорогая. Ты должна выбросить из головы все мысли о грехе и воздержании. Твоя жизнь принадлежит только тебе одной. Отныне и впредь, если ты захочешь пирожных, то будешь их есть. И будешь одеваться в платья тех цветов и фасонов, которые тебе нравятся. И конечно же, заниматься тем, чем пожелаешь. Сесилия, ты не должна ни в чем себе отказывать, равно как и испытывать страх и стыд. Ты такая, какая есть. И ты очень красивая девочка.

От такой доброты, с которой Сесилии никогда не приходилось сталкиваться, ее глаза наполнились слезами.

— Но ведь я некрасивая. Я жирная...

Дженни на какое-то время задумалась, закусив губу. Потом проговорила:

— Милая, некоторые люди могут тебе такое сказать, но ты не должна из-за этого огорчаться, потому что... В общем, запомни мои слова. И поверь, я знаю, что говорю. Когда вырастешь, ты сможешь делать с мужчинами все, что захочешь. Они всегда будут у твоих ног, станут ловить каждое твое слово, каждый взгляд. У тебя такие глаза, губы, волосы и кожа... — Дженни отодвинулась, достала веер и обмахнулась, словно ей вдруг стало жарко. Немного помолчав, она продолжила: — Ты станешь женщиной, с которой будут считаться очень многие. Разумеется, есть и всегда будут те, кто предпочитает худеньких, с тонкими талиями. И еще ты увидишь, что некоторые мужчины не выносят умных женщин, имеющих мозги, которых нет у них самих. Умные женщины их пугают. Но, дорогая, ты будешь обладать властью, которой еще не понимаешь. Сможешь пленять, контролировать и уничтожать мужчин.

Сесилия прикусила губу. Слова Дженни ее ошеломили, и у нее даже закружилась голова.

— Я не хочу никого уничтожать. — Да и брать в плен кого-либо у нее не было особого желания. Тем более после всего, что ей самой пришлось вынести...

Дженни едва заметно улыбнулась. Откинув упавшую на лицо девочки прядь волос, она тихо сказала:

— Мне говорили, что ты такая же добрая, как твоя мама.

— Вы знали мою маму?! — встрепенулась Сесилия. Ей сразу захотелось задать множество вопросов.

— Я видела ее однажды, когда она приезжала, — уклончиво ответила Дженни.

— Куда приезжала?

— Давай лучше подумаем о пирожных. — Дженни постучала в потолок экипажа, и тот тронулся с места. — После сытного ужина, горячей ванны и хорошего отдыха мы купим тебе несколько платьев любого цвета, какого захочешь. Тебе

больше никогда не придется думать о деньгах, разве это не чудесно? В твоём распоряжении — целое состояние, потому что ты стала наследницей очень влиятельного человека...

Сесилия долго молчала. Ей понадобилось время, чтобы набраться смелости и задать вопрос:

— Этот человек... мой настоящий отец?

Дженни поджала губы.

— Прости, милая, но я не могу сказать тебе ничего определенного. Просто знай, что этому человеку небезразлична твоя судьба. Он любил твою маму.

Ответ удовлетворил Сесилию на несколько недель: пока она знакомилась с миром дорогих отелей, кораблей и вилл, портних, шеф-поваров, галантерейщиков и горничных. По пути к месту назначения она посетила Париж и была потрясена великолепным городом и его необычными жителями.

Школа для девочек в Шардонне размещалась в романтическом готическом замке — ничего подобного Сесилия даже представить себе не могла. Персонал отнесся к ней со всей возможной доброжелательностью. Девочку проводили в очаровательную башенку с окнами, выходящими на сверкающее под солнечными лучами Женевское озеро. Это был ее новый дом, который ей, конечно же, сразу понравился.

И в конце дня, присев на кровать, Сесилия ощутила мучительную пустоту в груди. Да, окна ее комнаты были огромными и чистыми, а не маленькими и тусклыми, как раньше. И теперь у нее были еда, одежда, тепло и забота окружающих.

И все же она по-прежнему оставалась одинокой маленькой девочкой в окружавшем ее мраке.